

RU

«Следы» Шекспира в очерке Ю. Домбровского «И я бы мог...»

Каблуков В. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить формы существования концепта ШЕКСПИР в очерке Ю. Домбровского «И я бы мог...». Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые на основе анализа метапоэтического текста Ю. Домбровского прослеживается эволюция творческих установок автора. В статье выявляются связанные с изменениями в социокультурной ситуации последней трети XX века признаки зарождения новой поэтологической установки автора на художественное освоение реальности, которая не поддается логоцентристскому осмыслению, а подразумевает множественность интерпретаций. В тексте очерка Ю. Домбровского «И я бы мог...» это проявляется в рассмотрении вариантов развития событий, связанных с реакцией А. С. Пушкина на известие о смерти царя Александра I и восстании декабристов, при этом осмысление конкретных исторических реалий происходит сквозь призму концепта ШЕКСПИР. В результате определено, что идейная составляющая очерка писателя-реалиста генетически связана с гамлетовской проблемой выбора между самоубийством и жизнью. Эта связь не выражается как интертекстуальная, а существует в виде «следов», в которых формальная и содержательная привязанность к тексту-первоисточнику «стирается»; она ослаблена, что является, в свою очередь, признаком постмодернизма.

EN

“Traces” of Shakespeare in Yu. Dombrovsky’s essay “And I Could...”

V. V. Kablukov

Abstract. The research aims to identify the forms of the SHAKESPEARE concept in Yu. Dombrovsky’s essay “And I Could...”. The research is novel in that it is the first to trace the evolution of the author’s creative attitudes based on the analysis of Dombrovsky’s metapoetic text. The paper identifies signs of the emergence of the author’s new poetological attitude towards the artistic assimilation of reality, which is not amenable to logocentric understanding, but implies a multiplicity of interpretations, connected with changes in the socio-cultural situation of the last third of the 20th century. In the text of Yu. Dombrovsky’s essay “And I Could...”, this manifests itself in the consideration of the development of events related to Alexander Pushkin’s reaction to the news of the death of Tsar Alexander I and the Decembrist uprising. At the same time, the understanding of specific historical realities occurs through the lens of the SHAKESPEARE concept. As a result, it is determined that the ideological component of the essay by the realist writer is genetically connected to Hamlet’s problem of choice between suicide and life. This connection is not expressed as intertextual, but exists in the form of “traces” in which the formal and substantive attachment to the source text “is erased”; it is weakened, which is, in turn, a sign of postmodernism.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения литературного процесса 1960-1970-х годов XX века в России как особой социокультурной ситуации, когда внутри реалистических и модернистских способов освоения реальности наблюдается зарождение постмодернизма. Именно на этот период приходится рассвет творчества Ю. Домбровского, писателя, продолжающего реалистические традиции русской классической литературы, при этом на протяжении всего творчества внимательно следящего за изменениями в общих способах оформления художественного мира (Бойко, 2015). Формирование поэтологических представлений Ю. Домбровского происходило в 1930-е годы и было связано с исканиями формалистов, прежде всего Ю. Тынянова. В 1960-1970-е годы в творчестве Домбровского наблюдается появление новых для автора приемов организации текста.

Материалами исследования стали:

- Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 1-3.
- Шекспир У. Отелло // Шекспир У. Отелло; Макбет: трагедии / пер. с англ. Б. Пастернака, В. Гандельсмана.

М.: Время, 2018.

– Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце датском / пер. с англ., вступ. ст., прим. М. Лозинского. СПб.: Азбука-классика, 2007.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные изучению структуры концепта (Степанов, 2004; Арутюнова, 1999; Шведова, 2005) и тезаурусному подходу к изучению литературы (Луков, Луков, 2008).

Так, в частности, сближаясь с Ю. С. Степановым в понимании концепта как сгустка «культуры в ментальном мире человека» (2004, с. 43), Н. Д. Арутюнова (1999) приходит к выводу, что структурную организацию концепта можно описать в терминах ядра и периферии. При аксиологическом подходе в ядро концепта входят, по словам исследователя, только «те явления, которые становятся объектом оценки, а для того, чтобы оценить объект, человек должен пропустить его через себя» (Арутюнова, 1999, с. 181).

В этом отношении для нас важно определение концепта, данное Н. Ю. Шведовой: «Концепт – это содержательная сторона словесного знака... “Основные” концепты окружены сопутствующими им единицами – “малыми”, “неосновными”, “небазовыми” концептами...». «Малые» концепты, по мнению исследователя, лишены обязательности глубоких исторических корней и традиционности обозначения, «в них могут отсутствовать... исторически сложившиеся социальные либо субъективные оценки или оппозиционное сопоставление с другими единицами» (Шведова, 2005, с. 603). В своих рассуждениях о специфике концепта Н. Ю. Шведова сближается с культурологическим пониманием тезауруса.

Определяя тезаурус как «систематизированный свод представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект» (Луков, Луков, 2008, с. 7), мы исходим из того, что «в данном случае тезаурус исследуется как семантическая система, в качестве элементов которой называются концепты, понятия, “культурные константы” и прочие абстрактные модели знаниевых структур» (Осокина, 2015, с. 7).

Цель работы конкретизируется в следующих задачах:

- выявить функции реминисценции из трагедии Шекспира «Отелло» в раскрытии основной идеи очерка Ю. Домбровского «И я бы мог...»;
- проанализировать формы проявления текста трагедии Шекспира «Гамлет» при характеристике событий в очерке Ю. Домбровского об А. С. Пушкине.

Для решения поставленных задач задействованы структурно-семиотический метод, с помощью которого выявлено актуальное для очерка Ю. Домбровского и оторванное от первоисточника содержание цитаты из трагедии «Отелло», и метод интертекстуального анализа, позволивший проследить изменения в использовании реминисценций из трагедии Шекспира «Гамлет» на разных этапах творчества Ю. Домбровского.

Практическая значимость работы видится в возможности применения полученных результатов в вузовских спецкурсах по истории и теории литературы, а также для дальнейшего исследования творчества Ю. Домбровского.

Обсуждение и результаты

Несмотря на то что проблема влияния творчества Шекспира на русскую литературу оформилась еще в середине XIX века с появлением в критике термина «шекспиризм», она остается актуальной и для сегодняшнего дня, обсуждается на многочисленных научных конференциях, посвященных творчеству английского классика, по теме «Шекспир и русская литература» защищаются диссертации (Демичева, 2009), издаются монографии (Захаров, 2008; Приходько, 2022).

Корпус текстов Ю. Домбровского, посвященных Шекспиру или навеянных его образами, «шекспировский текст», наравне с диалогией «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» – наиболее изученная литературоведами (Анцыферова, 2013; Гайдин, 2018; Каблуков, 2008; 2023) часть творчества писателя XX века, в центре тезауруса которого находятся произведения Шекспира, позволяющие осмысливать, оформлять, номинировать темы смерти-самоубийства, творчества, предательства, экзистенциального противостояния и выбора: трагедии «Гамлет» и «Макбет», собственные переводы 74 и 111 сонета, гамлетовского монолога «Быть или не быть», монолога Джульетты, готовящейся выпить усыпляющее зелье.

Во второй половине 1970-х вышли в свет два очерка Ю. Домбровского: в 1975 году это была статья о Пушкине «И я бы мог...», а в 1977 году – «РЕТЛЕНДБЭКОНСОУТГЕМПТОНШЕКСПИР: о мифе, антимифе и биографической гипотезе». Оба очерка можно рассматривать как метапоэтические произведения, в которых Домбровский открывает читателю дверь в свою творческую лабораторию, показывая поэтапно, как в его работе реализуется установка Ю. Н. Тынянова на начало творческого процесса: «Там, где кончается документ, там я начинаю» (2002, с. 211), и на которую Домбровский ссылается в начале статьи о Шекспире. Рассуждая о своей повести «Смутная леди», Домбровский заявляет, что его «повесть достоверна, как может быть достоверна повесть о человеке, про жизнь которого нам, к сожалению, меньше известно, чем хотелось бы» (1992-1993, т. 3, с. 294).

С принципиально иной ситуацией Домбровский сталкивается во время работы над очерком об А. С. Пушкине, о котором постоянно появляются «новые материалы. Все новые и новые... Поистине бесконечная тема. Такая же неисчерпаемая, как и сам Пушкин!» (1992-1993, т. 1, с. 288).

Толчком к рефлексии Домбровского в очерке «И я бы мог...» становится рисунок А. С. Пушкина, где поэт изобразил повешенных декабристов, и надпись над рисунком: «И я бы мог, как шут...» Далее Домбровский вспоминает исторический анекдот о том, как Пушкин, эмоционально реагируя на известия о смерти Александра I или о декабрьском вооруженном восстании, выехал из Михайловского, где он находился в ссылке, в Петербург, но дорогу ему перебежал заяц, что является по русским поверьям плохой приметой (Гура, 1997), и вернулся обратно к месту ссылки.

Домбровский задается вопросами: действительно ли Пушкин пытался уехать из Михайловского? Если да, то в какой момент: до восстания или после? Он анализирует все доступные ему документы, надписи на полях книг, письма и воспоминания современников Пушкина, мнения пушкиноведов и на их основе разрабатывает три версии развития сюжета. Первая: поэт из Михайловского не выезжал; вторая: Пушкин выехал в Петербург в начале декабря, после известия о смерти Александра I, но вернулся; и третья: Пушкин выехал из Михайловского после того, как узнал о восстании, но тоже вернулся. Домбровский склонен принимать вторую гипотезу, она ему кажется наиболее правдоподобной, и далее рассуждает: «Почему? Действительно, заяц дорогу перебежал? Поп встретился? Еще случилось что-нибудь подобное? Вполне, вполне вероятно. Любая примета или препятствие могли повернуть Пушкина назад. Ведь ехать он решил сгоряча, на авось, поддавшись первому впечатлению, без всякой твердой уверенности в успехе... А раз так, то вспомним Шекспира: “Соломинкой переградите путь мне, и я послушно поверну назад”. Вот заяц и явился такой соломинкой» (1992-1993, т. 1, с. 277).

У рационалиста Домбровского «заяц», «поп» – повод не поехать в Петербург, слабая отговорка, самооправдание за несовершенный поступок, при этом «соломинка», которая преграждает путь, – цитата из трагедии Шекспира – подчеркивает «незначительность» причины возвращения Пушкина в Михайловское.

В очерке «И я бы мог...» Пушкин поставлен Домбровским в ситуацию гамлетовского выбора «Быть или не быть?» – «Остаться или поехать?». Развитие культурного сценария «гамлетовского выбора» подразумевает неутилитарный ответ на вопрос: «Почему Пушкин выбрал “быть”?» Энергия культурных ассоциаций подразумевает: «Так трусами нас делает раздумье».

Монолог Гамлета «Быть или не быть?» в очерке Домбровского реализуется как «след» этого монолога в момент «самостиранья», исчезновения связи со словом монолога.

Смысл термина «след» в философии Деррида Н. С. Автономова передает так: «След не есть знак, отсылающий к какой-либо предшествующей “природе” или “сущности” – в этом смысле след немотивирован, то есть не определен ничем внешним по отношению к нему, но определен лишь своим собственным становлением... След есть то, что уже априори “записано”» (1977, с. 163). Ссылается на Деррида и Ю. Кристева, говоря о следе как «фигуре инаковости», которая противостоит «самодостаточности» логоса, ставя под сомнение принятый способ выражения в самый момент его развертывания, «возвещая об ином пространстве мысли» (2004, с. 555).

Домбровский настолько погружен в Шекспира, что влияние английского классика на себя он не всегда способен осознавать и, следовательно, оформлять в знаках, вербализировать, записывать. Концепт ШЕКС-ПИР форматирует когнитивные механизмы осознания мира, схемы, алгоритмы, по которым оценивается реальность, при этом интертекстуальная связь с диалогом Гамлета в очерке Домбровского отсутствует. Поскольку прямых, текстуальных доказательств нашей интерпретации нет, необходимо привести доказательства «косвенные», в первую очередь, проследить появление знака Шекспира, где «означающее» – цитата из монолога Гамлета «Так трусами нас делает раздумье», в других произведениях Домбровского.

Работа над романом «Обезьяна приходит за своим черепом» (1943-1958) велась Ю. Домбровским параллельно с написанием повестей, посвященных творчеству Шекспира. По признанию автора, сделанному в эссе «Итальянцам о Шекспире...» (1969), он написал «Смутную леди» (1946) после того, как понял, что мысли о самоубийстве были стержнем рефлексии Шекспира во многих его произведениях: трагедиях и сонетах.

В романе «Обезьяна приходит за своим черепом» ницшеанская идея свободной смерти проверяется как на протагонисте Леоне Мезонье, так и на антагонисте профессоре Ланэ. Последний оправдывает свое предательство и отказ от добровольного ухода из жизни цитатой из «Гамлета»: «Так трусами нас делает раздумье» (Домбровский, 1992-1993, т. 2, с. 140). Приведенная в тексте романа фраза из трагедии дана в переводе, сделанном в 1933 году М. Лозинским. В 1969 году Домбровский в эссе «Итальянцам о Шекспире...» дает свой вариант перевода последней фразы монолога Гамлета: «Так совесть нас превращает в трусов» (1992-1993, т. 3, с. 300). Для нас важна эта разница в переводах: в первом случае отказ от «свободной смерти» мотивирован рефлексией («раздумье»), во второй – нравственным императивом («совесть»). В этом видится эволюция авторского сознания от идеи свободной смерти до идеи экзистенциальной ответственности.

В русле наших рассуждений можно утверждать, что «вольность» авторского перевода приводит к началу появления «следа» монолога Гамлета в очерке «Итальянцам о Шекспире...». Связь авторского перевода с первоисточником декларируется и начинает разрушаться одновременно, Домбровский адаптирует «знак» – цитату под собственные художественные задачи и когнитивные схемы освоения и оценки реальности, существующие в сознании человека второй половины XX века.

Подобные изменения происходят в тексте очерка «И я бы мог...» с цитатой из трагедии Шекспира «Отелло». Она взята Домбровским из монолога мавра, который он произносит после убийства Дездемоны и после осознания своей ошибки. В переводе Б. Пастернака она звучит так:

«Кто управляет собственной судьбою?

Я не опасен, хоть вооружен.

Все пройдено, я у конечной цели.

Зачем вы в страхе пятитесь назад?

Тростинкой преградите путь Отелло,

И он свернет. Куда ему идти?» (Шекспир, 2018, с. 160).

«Тростинка» в пьесе Шекспира не входит в семантическую структуру экзистенциального выбора «Быть или не быть?»: убийство уже совершено, а последовавшее после монолога самоубийство Отелло уже предreshено. Хрупкость тростинки, которая может преградить путь человеку, лишь подчеркивает его бессилие перед судьбой.

В очерке Домбровского цитата из трагедии «Отелло» наполняется содержанием, никак не связанным с основным конфликтом пьесы, интертекстуальный диалог не состоялся, в публицистическом дискурсе очерка цитата выполняет функции риторической фигуры «ссылка на авторитеты», в итоге становится «знаком знака», «следом» «Отелло», изменение «означающего» закрепляется в изменении «означающегося». «Тростинка» в монологе Отелло встречается и в переводе Б. Пастернака, и в переводе М. Лозинского, и в переводе М. Морозова, но в переводе Домбровского вместо «тростинки» – «соломинка». В ассоциативном поле приметы «перебежавший дорогу заяц – к несчастью» появляется семантика пословицы «Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил». «Соломинка», «преградившая путь» Пушкину, – возможность обезопасить себя от грядущей неприятности, уйти от «не быть», избежать смерти.

Трагедия «Отелло», существующая на периферии тезауруса Домбровского, оказывается «облученным» содержанием «Гамлета» произведения, находящимся в центре, в ядре тезауруса.

Следы «Гамлета» проявляются и в той части текста очерка «И я бы мог...», где Домбровский пытается дать объяснение продолжению пушкинской надписи: «...как шут...».

Тема шута начинает звучать в очерке еще перед рассуждениями о «зайцах». Сценарий развития этой части текста можно смоделировать по микротемам. Сначала идет пересказ статьи 1917 года о находке в окрестностях Петербурга пяти гробов, в которых, вероятно, захоронены останки казненных декабристов. Далее относительно спокойная цитата из статьи разрывается эмоциональным комментарием Домбровского: «А на другой странице – черная длинная фотография: разваливающийся гроб без крышки, а из него торчит что-то очень страшное, неприбранное хозяйство нагой и наглой смерти» (1992-1993, т. 1, с. 269), появляется тема физиологического безобразия смерти. В последующих двух абзацах дается цитата из записок А. Ахматовой, где появляются мотивы женщины и виселицы: поэтесса цитирует строки Пушкина из посвящения Е. Ушаковой: «Вы ж вздохнете ль обо мне, // Если буду я повешен?».

Завершают этот фрагмент очерка детские воспоминания Домбровского о «шуте»: «“Как шут...” – эти потешные крошечные фигурки в колпачках и лоскуточной одежде еще в мое время продавали на вербное воскресенье. Они висели в ряду на длинной палке, и когда их дергали за нитку, они корчились. Вот так бы мог висеть и Пушкин. В мои школьные годы я думал именно так. Потом, в студенческие, стал рассуждать иначе – мог бы, да заяц помешал» (1992-1993, т. 1, с. 270).

Из этих же составляющих: кладбище, виселица, человеческие останки, женщина, шут – организована сцена на кладбище в трагедии Шекспира «Гамлет». Могильщики, выкапывая останки людей, рассуждают о виселице. Гамлету, державшему в руках череп шута Йорика, «отвратительно себе представить», что «здесь были... губы, которые» он целовал. В монологе Гамлета появляется и мотив женщины: «Ступай теперь в комнату к какой-нибудь даме и скажи ей, что, хотя бы она накрутилась на целый дюйм, она всё равно кончит таким лицом» (Шекспир, 2007, с. 345).

Сцена на кладбище из трагедии Шекспира реализуется в тексте очерка «И я бы мог...» как ситуативный концепт, но в схеме рассуждений Домбровского отсутствует один из структурообразующих элементов – «череп шута»: Пушкин так и не приехал в Петербург. Структура сцены из «Гамлета» подвергается деконструкции, из ее осколков создается новая структура, в которой отсутствующий элемент заменяется сопричастным по лексеме «шут»: Домбровский пользуется «подручными средствами», заменяет «череп шута» «игрушкой с шутком», который висит «на длинной палке». Бриколажный способ организации текста приводит к наполнению форм, состоящих из осколков интуитивно узнаваемых прежних структур, новым содержанием, рассуждения Домбровского о «шутстве» Пушкина – это уже не знак «бедного Йорика», это его след.

Появление «следов» Шекспира в очерке о Пушкине говорит о том, что в середине 1970-х годов русский классик только начинает входить в ядро тезауруса Домбровского. Процесс «освоения» пока еще «чужого» Пушкина происходит сквозь призму «своего», каким является для Домбровского Шекспир. Оба варианта судьбы Пушкина негативно оцениваются Домбровским: «соломинка» становится знаком трусости, а самоубийственный выбор в контексте рассуждений автора – поступок шута, которого «дергают за нитки», и он «корчится».

В очерке «И я бы мог...» Домбровский показывает, как идет предварительная работа над созданием художественного произведения. Из разных вариантов развития сюжета, которые дают ему уже ранее написанные тексты, Домбровский выбирает один, наиболее, на его взгляд, «вероятный» и начинает его разрабатывать. Но в финале очерка он формулирует проблему, решить которую художественными средствами из арсенала художника-реалиста невозможно: о Пушкине постоянно появляются новые материалы.

Домбровский сталкивается с таким состоянием реальности и текста, которое в то же время, когда были написаны очерки о Пушкине и Шекспире, в 1976 году было обозначено Ж. Делезом и Ф. Гваттари термином «ризома». В новой мировоззренческой парадигме мир, лишенный структуры, уподобляется корню, который лишен центра, постоянно растет вширь, постоянно меняется.

В подобной ситуации Домбровский был еще во время погружения в Шекспира, когда им было, по его словам, прочитано «наверное, почти все главное, что написано о Шекспире на пяти языках» (1992-1993, т. 3, с. 297). Но в 1950-е годы, пользуясь словами Ю. Лотмана о романе У. Эко «Имя розы», «выход из лабиринта» Домбровским был найден в творчестве, в написании и создании логоцентристского художественного мира новелл о Шекспире.

В 1975 году Домбровский завершил работу над романом «Факультет ненужных вещей», который справедливо считается вершиной его творчества. Но наступила эпоха, которая не поддается художественному осмыслению только в парадигме реализма, это заставляет Домбровского вновь задуматься о способах оформления художественного мира, что, на наш взгляд, является основной причиной написания двух метапоэтических текстов – очерков о Шекспире и Пушкине.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

В очерке Ю. Домбровского о А. С. Пушкине «И я бы мог...» реализуется ситуация гамлетовского выбора «Быть или не быть?»: «Остаться или поехать?» в Петербург. Культурный сценарий развития ситуации приводит к ассоциативному выводу: «Так трусами нас делает раздумье». Позиция автора приводит также к искажению формы (неточность перевода) и изменению содержания цитаты из трагедии Шекспира «Отелло»: цитата перестает быть знаком исходного текста и его автора, становится «следом».

След «Гамлета» Шекспира появляется и в схеме рассуждений Домбровского над второй частью фразы «И я бы мог, как шут...». В тексте очерка как ситуативный концепт реализуется сцена на кладбище из трагедии Шекспира, но в структуре рассуждений Домбровского вместо элемента «череп шута» появляется с негативной контаминацией «игрушка с шутком», и «шутовство» Пушкина – это уже не знак «бедного Йорика», а знак этого знака.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении метапоэтики Ю. Домбровского как особого кода для прочтения его беллетристических произведений.

Источники | References

1. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. Критический очерк концепций французского структурализма: монография. М.: Наука, 1977.
2. Анцыферова О. Ю. Шекспировский текст Юрия Домбровского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Бойко С. С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // Новый филологический вестник. 2015. № 3.
5. Гайдин Б. Н. У. Шекспир в тезаурусе Ю. О. Домбровского // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4.
6. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
7. Демичева Е. С. «Шекспировский текст» в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2009.
8. Захаров В. Н. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ / отв. ред. В. А. Луков. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2008.
9. Каблуков В. В. «Ведьмы» и «валькирии» хранителя древностей: к типизации женских образов в дилогии Ю. Домбровского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9. <https://doi.org/10.30853/phil20230443>
10. Каблуков В. В. Ю. Домбровский о Шекспире // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 5.
11. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / пер. с фр. Г. К. Косиков, Б. П. Наумов. М.: РОССПЭН, 2004.
12. Луков В. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход: исходные положения // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9.
13. Осокина С. А. Основания лингвистической теории тезауруса: дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2015.
14. Приходько И. С. Блок и Шекспир: монография. М.: КноРус, 2022.
15. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
16. Тынянов Ю. Н. Так мы пишем // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: избранные труды. М.: Аграф, 2002.
17. Шведова Н. Ю. Теоретическая концепция русского идеографического словаря (параграфы из «Перспекта Русского идеографического словаря “Мир человека и человек в окружающем его мире”») // Шведова Н. Ю. Русский язык: избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Информация об авторах | Author information

Каблуков Валерий Витальевич¹, к. филол. н.

¹ МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Valerii Vitalevich Kablukov¹, PhD

¹ MIREA – Russian Technological University, Moscow

¹ val.kablukov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.07.2024; опубликовано online (published online): 28.08.2024.

Ключевые слова (keywords): концепт ШЕКСПИР; метапоэтика Ю. Домбровского; гамлетовская проблема выбора; логоцентристское мышление; постмодернизм; SHAKESPEARE concept; Yu. Dombrovsky's metapoetics; Hamlet's problem of choice; logocentric thinking; postmodernism.